

Кончаловский Егор
(режиссёр)

16.06.04

ИРИНА КАЛЕДИНА

Егор Кончаловский: «Всякое в жизни бывало — приходилось и драться!»

Есть люди, которым, кажется, достаточно назвать свою фамилию, и все с ними становится ясно — дети известных родителей, золотая молодежь... Их жизненный путь в понимании «простых смертных» устлан розами, будущее предопределено на все сто. Но согласны ли с этим утверждением сами «мальчики и девочки — мажоры»? А может, напротив, вся их жизнь — сплошная попытка доказать окружающим, что природа не всегда отдыхает на детях знаменитостей? Так фора или ответственность — быть сыном известного человека? Об этом и многом другом мы расспросили режиссера и клипмейкера Егора Кончаловского: он принял нас в своем рабочем кабинете на «Мосфильме» — на знаменитой киностудии Егор в скором будущем планирует снять свою новую картину — «Побег» с Евгением Мироновым в главной роли.

Ред. Курьер - 2004 - 16 июня с.т.
Окончание на стр. 8

Другая жизнь Всякое в жизни бывало...

С сестрой Катей и мамой Натальей Аринбасаровой

Окончание.
Начало на стр. 1

— Егор, вы известный режиссер, клипмейкер — словом, представитель божественных кругов. Многие ваши коллеги с удовольствием ходят на светские мероприятия, всячески подчеркивая свою принадлежность к российскому высшему свету.

— Мне вообще непонятно, откуда появился некий новый класс людей, особенно девушек, которых именуют светскими львицами и львицами. Для того чтобы носить звание светской львицы, по меньшей мере должно быть наличие какого-то ни было света. То, что у нас называется высшим светом, — это частенько просто собрание хамов, достаточно скучная и развращенная тусовка. Хотя, признаться, я имею весьма распыляющее представление о бомонде. Мне не до этого.

— И это говорите вы — золотой мальчик, выросший в тепличных условиях?!

— Безусловно, я принадлежал к тому слою, который раньше назывался советской номенклатурой, и мой дед, Сергей Владимирович Михалков, получал паек с цеховскими сосисками и балыком. Но я не могу сказать, что мы были избалованными детьми. Машины никто не дарил и квартир тоже. Да, мне очень помог мой отец, Андрей Кончаловский, дав возможность получить образование за границей во времена еще Советского Союза. Но зато я честно отслужил два года в нашей армии связистом в Алабинском кавалерийском полку.

— А, знаменитый «мосфильмовский» полк!

— У этого полка было как бы два руководства: одно — руководство армейское, Генштаб, Московский округ; второе — неофициальное, Госкино, потому что этот полк часто использовали на съемках.

— Почему же вы вообще пошли служить в армию? Наверняка вам несложно было «откосить».

— Я собирался уезжать за границу, и мне не хотелось, приехав из университета домой на каникулы, вдруг попасть под призыв и стать невыездным. Лучше было сразу отлучиться и забыть. И я совершенно без сожаления вспоминаю годы службы. Мало того, это были довольно счастливые годы.

— Неужели вас, сына, внука и племянника известных людей, не пытались проверить на прочность?

— Всякое бывало — приходилось и драться. Но мне кажется, я с честью вышел из

этих испытаний. Да, считалось, что Алабинский полк блатной. И там было множество людей, «устроенных» туда, в том числе и я. Но кто там служил? Кавказцы, чеченцы, украинцы. Москвичей было совсем немного, и они держались обособленно. Было много весьма серьезных столкновений на этнической почве. Так что служба была тяжелой. Это во-первых. Во-вторых, я восемь лет прожил в Англии, а там никого не волновало, что я сын Кончаловского или внук Михалкова. В студенческие времена я жил весьма небогато. Вот и отвык от привилегированной жизни. Да и когда был маленький, не могу сказать, что мы очень роскошествовали. Была обычная советская семья. Маленькая двухкомнатная квартирка, все кровати были заняты, и лет шесть я спал на раскладушке.

— И все же это форс или ответственность — быть сыном знаменитого человека?

— Это комбинация: если у тебя есть форс, то у тебя и ответственность больше. Например, на последнем крупном российском кинофестивале академиком было принято решение, что фильм «Антикиллер-2» не является произведением киноискусства, и поэтому его даже не рассматривали в числе конкурсантов. Это лишь одно из проявлений более критичного, более жесткого отношения ко мне как к режиссеру. Я старательно работаю, зарабатываю кредиты доверия. Но, естественно, с меня спрос выше, чем с других. И я к этому готов. Во многом благодаря тому, что я прожил достаточно сложную с моральной точки зрения жизнь, которая с меня сняла лоск, присущий «золотой молодежи». Да и какая в советское время была «золотая молодежь»? Чем мы отличались? Ну, может, лишней парой джинсов. Сейчас, конечно, другие стандарты, уже гоняются не за джинсами, а за дипломами, но суть не изменилась.

— Вам не кажется, что ваш отец Андрей Кончаловский начинал свою кинокарьеру в более благоприятные для киноискусства времена, чем вы сейчас?

— За все надо расплачиваться. В природе существует определенный баланс. Да, он был поставлен в весьма неплохие творческие условия, с одной стороны, но, с другой стороны, «История Аси Клячиной» была запрещена и долгое время пролежала на «полке».

— Зато сколько шуму было, когда картину все-таки выпустили в прокат!

— Может быть, это и к луч-

шему. Но тогда, 20–30 лет назад, ему было важно, чтобы фильм смотрели, а его запретили. Правда, потом разрешили снимать что хочешь. Сегодня жизнь гораздо менее экономически безопасна, но зато и успех может быть гораздо выше — мы открыты миру, имеем выход на международного зрителя. Хотя мир, по моему личному мнению, постепенно дрейфует в сторону конца. Но если мы будем с такой же скоростью уничтожать нашу планету, если американцы будут с такой же настойчивостью навязывать свой образ жизни остальному миру, конец настанет очень быстро.

— А как насчет национальной идеи?

— Сейчас много говорят, что у нас пропала национальная идея, нет национального героя. Я считаю, что национальной идеей должно быть сохранение природных ресурсов. То, как мы используем наши недра, — это преступление. Я, например, черную икру больше не ем, потому что увидел передачу, как она добывается, как огромными острем варварски вспарывают животы и затем просто выбрасывают их. А у них срок жизни выше среднестатистического человеческого — 80 лет. А теперь подумайте, почему небольшое население самой большой страны живет в такой нищете? Все потому, что в России сейчас сложился олигархический капитализм. Все ресурсы и средства сконцентрированы в руках единиц, и это крайне несправедливо. Или вот недавно я видел передачу о том, как голландский священник предположил в своем храме пролавать героин и шприцы. Его можно понять, он хочет обезопасить наркоманов от СПИДа. Но сама идея продажи героина в храме свидетельствует, для меня лично, о крахе цивилизации. И западная цивилизация идет к концу быстрыми шагами. Тогда как цивилизация, скажем, мусульманская, находится на начальных этапах своего развития. А мы все мечаемся между ними.

— Кстати, «Антикиллер» многие упрекали в псевдопатриотичности.

— А почему псевдо? У нас считают, если человек богатый, то он, скорее всего, вор. И аналогичное заявление: если фильм напоминает о каких-то патриотических идеях, то его обязательно ругают за псевдопатриотичность. А про «Антикиллер-2» вообще говорят, что это госзаказ. Я совершенно реально говорю: никаких господ там нет. Правда, с некоторыми обвинениями в свой ад-

рес я согласен. Скажем, у «Антикиллера-2» не очень внятный сценарий, и будто не бывает таких ментов. Хотя и не было задачи сделать этот фильм правдой. Это такая черная, злая сказка. Еще меня обвиняют в том, что скрытая реклама не достаточно тонко введена в канву фильма. Но я не согласен с тем, что в первом «Антикиллере» не хватает любовной линии. Я считаю, там не было пространства для этого. Во втором романтика присутствует. Но самое забавное в другом. Когда я в «Антикиллере-1» убил героя Ульянова по кличке Отец, критики написали, что я подсознательно хочу убить своего отца, чтобы занять его место на кинематографическом Олимпе. Что же говорить о втором «Антикиллере», где главный герой убивает своего родного отца?!

— А что думает Андрей Кончаловский по этому поводу?

— Да ничего. Хотя за вторую картину отругал, сказав, что это очень вредное кино, потому что оно может подстегнуть межнациональную вражду. Но ведь моя банда террористов межнациональная. В фильме есть страшная сцена — разгром рынка, битва скинхедов с ОМОНОм. Я показал скинхедов так, как я их себе представляю, — фашистами, зверями. А оказалось, что оба «Антикиллера» весьма популярны у скинхедов. Это я к тому, что мнения могут быть разными, допустим, моему отцу кажется, что фильм антикавказский, а на Кавказе его приняли очень хорошо. Мнение отца для меня, безусловно, важно, но оно не решающее.

— К чему же мнению вы прислушиваетесь безусловно?

— Советов в рамках своей профессии я слушать не люблю, потому что предпочитаю за свои ошибки расплачиваться сам.

— Интересно, насколько тяжелой ношу вы на себя взвалили?

— Сейчас, когда вы пришли, я занимаюсь контрактом на новую картину, читал графу, в которой перечислены обстоятельства непреодолимой силы. Знаете, сколько их? И вообще человеческий фактор — вещь ненадежная. Везде, где замешаны люди, существует определенное количество рисков: самолет упадет, актер не придет на съемки и так далее. Поэтому я стараюсь быть, с одной стороны, педантичным и обязательным, а с другой стороны — очень не люблю бросать что-либо на полпути. Будь то чтение книжки или получение Кембриджского диплома. На самом деле в какой-то момент мне стало не очень интересно учиться и заботелось уже работать. Но я дошел до конца, получил диплом Кембриджа и только тогда уехал.

— «Учился в Оксфорде», «получил диплом Кембриджа» — для многих россиян эти фразы как будто из другой жизни. К тому же образование это, насколько мне известно, немалых денег стоит...

— Но ведь дело не только в деньгах, туда ведь еще нужно поступить. Мне повезло: сначала удалось попасть в Оксфорд на подготовительный курс, а потом в Кембриджский университет. И я очень счастлив, что это время было в моей жизни. Хотя я понимаю, что я нормальный искусствовед, но не талантливый. Но на мой личный взгляд, абстрактное, неприкладное знание очень важно. Юрист, врач, актер — это профессиональное образование. У меня, например, нет, и я в некотором смысле страдаю от этого. Но, на мой взгляд, абстрактное образова-

Егор Кончаловский (по паспорту — Георгий Михалков) родился в Москве в 1966 году. Окончил международную школу St. Clares в Оксфорде, Кенсингтонский бизнес-колледж. Магистр истории искусства Кембриджского университета. Режиссер многочисленных рекламных роликов и художественных фильмов «Затворник», «Антикиллер», «Антикиллер-2». Отец — режиссер Андрей Михалков-Кончаловский. Мать — актриса Наталья Аринбасарова. Дядя — режиссер Никита Михалков. Егор — внук поэта, гуманиста Сергея Михалкова и писательницы Натальи Кончаловской. Потомок художников Василия Сурикова (прапрадед) и Петра Кончаловского (прадед). Гражданская жена — актриса и модель Любовь Толкалина. Растят дочь Машу.

ние — а к нему относятся такие области, как история, искусствоведение, филология, философия, — все же важнее. Эти вещи расширяют сознание. Для визуальных искусств, каким является кино, очень важно знание искусствоведения, например, понимание того, откуда появилась теория света без источника или источника света за картиной (в этом смысле Рембрандт был удивительным художником). Я, кстати, специалист по Рембрандту, Дюреру и английским романтикам. Очень интересно изучать их биографии, ведь искусство человека тесно связано с его биографией, его ощущениями, мировоззрением. Очень поучительно читать про американца Томаса Гейнсборо, который переехал в Англию, стал придворным художником и пил чай с королевой. Он был действительно большим художником, но при этом жил в роскоши. В то же время жил другой художник по имени Джон Барри. Он был не менее талантлив, но всю жизнь страшно пил и мучился, потому что сильно завидовал Гейнсборо. В результате его великое искусство стало сумрачным, а у Гейнсборо оно светлое, помпезное. Видите, мировоззрение влияет не только на его творчество, но и на его дальнейшую жизнь. Барри, в конце концов, спился и умер, а Гейнсборо дожил до старости и почил в богатстве.

— А вам стыдно перед Богом и людьми?

— Я не без внутренней критики, но люблю то, что делаю, и мне не стыдно за две последние картины. В меньшей степени я люблю свой первый фильм «Затворник». Он достаточно слабый. Но, скажем, первый «Антикиллер» для меня очень важен. А второй «Антикиллер» уже шел вдогонку к первому. Это был более коммерческий проект. Последние 10 лет он стоит на первом месте в российском прокате. Конечно, его обгонят рано или поздно.

— Значит, вопреки расхожему мнению вы считаете, что художнику не обязательно быть голым?

— Я не считаю, что художник должен быть голым. Другое дело, какой человек заслуживает звания художника. Я, например, знаю несколько российских режиссеров моего поколения, которые сняли две-три посредственные картины, но абсолютно убеждены, что внесли серьезный вклад в мировое киноискусство. Это не так. Я вот до сих пор не пишу на визитках «режиссер».

— С вашей-то фамилией можно ничего и не писать.

— Все правильно, фамилия известная. Но, на мой личный взгляд, с этой известной фамилией в той области, где я работаю, намного тяжелее, чем без нее. Невозможно идти сравнения. Когда меня в прессе рвут за очередную картину, обязательно прилетают моих родственников: «И это снимал представитель знаменитого рода, который снял «Асю Клячину», «Рабу любви», «Механическое пианино», «Сибиряду!» Ему должно быть стыдно перед Богом и людьми! Такие строчки тоже бывали. (Смеется.)

— А вам стыдно перед Богом и людьми?

— Я не без внутренней критики, но люблю то, что делаю, и мне не стыдно за две последние картины. В меньшей степени я люблю свой первый фильм «Затворник». Он достаточно слабый. Но, скажем, первый «Антикиллер» для меня очень важен. А второй «Антикиллер» уже шел вдогонку к первому. Это был более коммерческий проект. Последние 10 лет он стоит на первом месте в российском прокате. Конечно, его обгонят рано или поздно.

— Значит ли это, что вы уже оставили свой след в российском кино?

— Я так не считаю, но все-таки с точки зрения жанра боевика определенные стандарты нового русского кино мы установили. С другой стороны, через несколько лет о них могут и забыть. Останется ли «Матрица» в истории мирового кино, неизвестно, но новое слово она сказала. Хотя бюджет «Матрицы» и «Антикиллера-2» несопоставим, раз в сто раз.

— Ответьте, пожалуйста, на навязанный в зубах журналистский вопрос: каковы ваши творческие планы?

— Я сейчас снимаю компьютерный анимационный фильм «Щелкунчик». Он будет сделан в том же стиле, что и «Шрек». Занимаюсь выбором актеров-типажей. Это очень специфическая работа, и мне очень интересно сделать этот проект, потому что я ничего не понимаю в компьютерной анимации. Это важная и серьезная работа, но быстрая. Кроме того, готовлю большой кинопроект под названием «Победа». Это будет экшн, фильм-действие, совсем не похожий на «Антикиллера».

— И все же наша жизнь — это не только работа. Я знаю, Егор, что вы сейчас активно занимаетесь обустройством своего собственного дома.

— И даже его концепцию я придумал сам. Я очень люблю английский дизайн, и мой дом построен в английском стиле. Я по образованию искусствовед. И в свое время, в Оксфорде, изучал предмет «Искусство и дизайн». Сейчас существует ряд стилей, которые, на мой личный взгляд, скоро умрут, и дизайн, сделанный в одном из таких стилей, вскоре начнет раздражать и утомлять. Я таких квартир насмотрелся. Поэтому

я сторонник интерьеров, которые продолжают жить во времени и никогда не теряют своей актуальности, переходя в разряд раритетной классики. Надо видеть мою квартиру — она сделана очень просто. Прошло уже 10 лет, но она продолжает быть интересной и приятной.

— Английский стиль, консерватизм, педантизм...

— Да, я педант, просто до паранойи время от времени. Это связано с несколькими вещами. С одной стороны, я долго жил в очень небольших помещениях, когда таскался по английским кампусам. Британская культура ведь островная. В этих маленьких комнатах важно, чтобы вещи лежали на своих местах, иначе невозможно существовать. Даже лишний раз думаешь, покупать себе дополнительные CD и книжки или нет! Я привык к этому, и теперь, если вокруг меня беспорядок, просто не могу нормально функционировать. Это реально, я просто не могу думать! И поэтому моя психотерапия — или чистить ботинки, или пылесосить пол.

— Похоже, у вас в квартире очень чисто.

— Чисто, конечно, потому что и ребенок маленький, а народа много ходит. Меня к этому еще мама приучила. Она росла в Средней Азии, в большой семье, где было пять детей. Там просто невозможно было выжить без порядка и чистоты, тем более что в Средней Азии существуют эпидемические угрозы. Кроме всего прочего, я, что называется, «контроль флик», то есть люблю все контролировать. Конечно, какие-то вещи я с большим удовольствием делегирую. Но потом обязательно перепроверю.

Валерия ВАЛЬЦОВА